

КУРОПАТКИН А. Н.

70 ЛЕТ МОЕЙ ЖИЗНИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНЕРАЛА А. Н. КУРОПАТКИНА

1867 — 1882 гг.

Вниманию читателей предлагается отрывок из воспоминаний «70 лет моей жизни», написанных в 1914 — 1924 гг. бывшим военным министром России (1898 — 1904 гг) генералом от инфантерии А. Н. Куропаткиным (1848 — 1925). Полный текст мемуаров хранится в виде рукописи в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в личном фонде А. Н. Куропаткина (ф. 165).

В воспоминаниях А. Н. Куропаткина видное место занимает Средняя Азия, поскольку из 40 лет, отданных им военной службе, 20 он прослужил в Туркестане. Впервые Куропаткин попал в Среднюю Азию молодым подпоручиком, получив в 1866 г. назначение в 1-й Туркестанский стрелковый батальон. В 1867 — 1868 гг. он участвовал в боях с войсками бухарского эмира, получив за отличия ордена св. Станислава и св. Анны 3 степени с мечами и бантом, а также очередные воинские звания — поручика (1868 г.) и штабс-капитана (1870 г.). Затем Куропаткин служил при штабе Туркестанского военного округа, участвовал в Кокандском походе 1875 — 1876 гг., за который был награжден орденом св. Георгия 4 степени. 14 августа 1879 г. он получает назначение командующим Туркестанской стрелковой бригадой; в 1880 г. Уже в чине полковника руководит авангардом Кульджинского отряда во время похода в Синьцзян; в 1880 — 1881 гг. во главе Туркестанского отряда участвует в Ахалтекинской экспедиции против туркменских племен. За взятие крепости Геок-Тепе 12 января 1881 г. Куропаткин был награжден орденом св. Георгия 3 степени, а через год получил звание генерал-майора.

27 марта 1890 г. Куропаткин в чине генерал-лейтенанта был назначен начальником Закаспийской области (территория современной Туркмении). Находясь на этом посту около 8 лет, он проявил себя как способный администратор. Под его руководством на территории области были созданы русские школы, проведена судебная реформа. Много внимания уделялось им привлечению переселенцев из России, развитию в крае сельского хозяйства, промышленности и торговли. При нем в Закаспийской области возникли новые города и селения.

В последний раз Куропаткин прибыл в Туркестан в 1916 г., будучи назначенным на пост генерал-губернатора края. Здесь он руководил подавлением Среднеазиатского восстания 1916 г. Одновременно с этим разрабатывал проекты реорганизации управления Туркестаном. Но осуществить эти проекты ему не удалось. В марте 1917 г. под давлением Петроградского

Совета рабочих и солдатских депутатов Временное правительство отстранило Куропаткина от должности. Находясь в отставке в своем имении Шешурино под Псковом, Куропаткин внимательно следил за происходившими в Туркестане событиями. В его мемуарах содержатся оценки гражданской войны в крае, политики советской власти в Туркестане, заслуживающие внимания характеристики туркестанских политических деятелей.

Публикуемая глава из воспоминаний Куропаткина характеризует деятельность первого генерал-губернатора Туркестана К. П. Кауфмана. Туркестанское генерал-губернаторство было создано в 1867 г. одновременно с образованием Туркестанского военного округа. Включало в себя часть территорий современных Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Туркмении. Первым генерал-губернатором края и командующим войсками округа был инженер-генерал К. П. Кауфман (1867 — 1882 гг.).

Автор долгие годы служил в Средней Азии под его начальством, хорошо знал Кауфмана лично, относился к нему и его деятельности с уважением и симпатией. Куропаткин описывает проведенные Кауфманом реформы (аграрную, административную), [186] меры по развитию промышленности, сельского хозяйства, торговли, народного образования и их последствия вплоть до 1917 г. Он отмечает уважительное отношение первого туркестанского генерал-губернатора к нравам, обычаям, религии, укладу жизни населения, сохранение им традиционных судебных, религиозных и низших административных органов управления народов Средней Азии. Политику Кауфмана, направленную на развитие и постепенную интеграцию Туркестана в состав Российской империи, Куропаткин противопоставляет деятельности последующих правителей края, приведшей к Среднеазиатскому восстанию 1916 г.

Конечно, к содержанию мемуаров Куропаткина надо подходить критически. Сам активный участник завоевания Средней Азии, автор в своих воспоминаниях идеализирует образ Кауфмана. Последний был, не только талантливым и умным администратором и политиком, но и жестоким колонизатором. Из истории не вычеркнешь репрессии Кауфмана против народов Туркестана (об этом, кстати, вынужден был вскользь упомянуть и сам Куропаткин), ликвидацию Кокандского ханства, превращение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в вассальные, зависимые от Российской империи псевдогосударства. Однако все вышесказанное не умаляет, на наш взгляд, ценность воспоминаний генерала Куропаткина как источника по истории политики царского правительства в Средней Азии и Казахстане, взаимоотношений России с сопредельными государствами и народами, быта, традиций и культуры народов Средней Азии второй половины XIX — начала XX вв.

Текст отрывка передается по правилам современной орфографии с сохранением стилистических особенностей оригинала.

Из воспоминаний А. Н. Куропаткина «70 лет моей жизни»

1867 — 1871 года для Туркестанского края имели особое значение. Закладывался фундамент к устройению края в гражданском отношении; определялись отношения русской власти к туземному населению, его имуществу, религии, нравам и обычаям. Вместо случайных и разнообразных распоряжений первых лиц, назначенных при завоевании различных пунктов края, прямо из строя, начальниками туземного населения, вырабатывалась система управления, утверждалось временное положение по управлению Туркестанским краем, дополняемое инструкциями, правилами.

С завоеванием среднеазиатских владений русскими, благодаря прозорливости и знакомству с местными условиями завоевателей Средней Азии, особенно ген[ера]ла Кауфмана ¹, русские положили в основание управления туземцами несколько принципов, вполне оправдавшихся полученными результатами.

Приведем ниже главнейшие из них;

1. Постановление в Средней Азии на особую высоту русского племени [Так в тексте.]

Горсть наших войск разбивала превосходные силы. Это видимое, всем понятное превосходство помогало населению усвоить взгляд на русского, как на существо как бы высшего разряда, чем туземец.

Наказания за убитых во время мира солдат и казаков отличались особою строгостью. Если виновный не находился, то к ответу иногда привлекалось все мужское население аула, где убитый был найден. Принятыми сразу суровыми мерами русская власть в Туркестане достигла того, что случаи убийства наших солдат и казаков стали весьма редки.

Мы действовали противно идее равенства, но в Средней Азии, где горсть русских солдат держала в полном спокойствии обширный край, это неравенство было необходимо и неизбежно. [187]

2. Человеколюбивое отношение и доверие к туземцам тотчас после одержания над ними победы

Полная незлобивость русского офицера и солдата позволяла нам и в Азии, как только кончался бой, относиться к покоренному населению человечески. Все старые счеты с побежденным противником считались поконченными. Он становился русским подданным и нашим младшим братом. Его вера, жизнь, имущество, обычаи уважались. Ему оказывалось доверие.

Начальствующие лица подавали пример оказания доверия побежденному врагу.

3. Организация власти над туземным населением, наиболее соответствующая его нравам и обычаям

Туземное оседлое население Средней Азии привыкло к сильной власти беков и других правителей, объединявших, по полномочию от эмиров и ханов, в своих руках власть военную, административную и судебную.

Основными положениями устройства вновь образованного Туркестанского генерал-губернаторства были приняты:

— нераздельность власти военной и административной и соединение ее в крае в одних руках;

— предоставление внутреннего управления туземным населением по всем делам, не имеющим политического характера, выборным из среды самого народа, применяясь к его нравам и обычаям.

Установление для населения власти начальников уездов, объединявших в своих руках власть административную и судебную, а в отдельных случаях и военную, вполне соответствовало понятиям населения и отвечало их нуждам.

Материальное положение начальников уездов было настолько обеспеченное, что можно было назначать на эту должность с хорошим выбором.

Конечно, были печальные исключения, но, в общем, представители военно-народного управления в Туркестанском крае во время управления им генералом Кауфманом с 1868 по 1881 год могут гордиться исполненной ими работою по обращению только что покоренного силою оружия населения в верных, трудолюбивых и спокойных русских подданных.

4. Заботливое отношение туркестанских властей к экономическому положению массы туземного населения

При завоевании Туркестана старшие военные начальники, особенно генерал Кауфман, настойчиво добивались, чтобы войска обращались с жителями без насилий и, главное, за все забираемые продукты уплачивали наличными деньгами.

С занятием тех или других пунктов русские власти принимали меры, чтобы продовольствие войск приносило пользу местным жителям. Принимались меры, чтобы между ртом солдата и производителем нужного солдату продукта по возможности не было посредников или возможно ограниченное число их.

Принимались меры, чтобы местные жители тотчас по окончании военных действий могли мирно заниматься земледельческим трудом. Принадлежащие им земля и вода сохранялись за ними. Необходимые участки для размещения

войск и городских поселений брались по возможности из числа принадлежащих ханам, эмирам, бекам или лицам военного сословия, которые не покорились, а бежали.

Местная торговля всеми мерами поддерживалась и охранялась.

Полная безопасность движения по путям подвоза товаров была достигнута с изумительной быстротой. Весь почтовый путь в 2000 [188] верст между Ташкентом и Оренбургом совершался безоружными пассажирами, женщинами и детьми без всякого конвоя. Поддерживались ярмарки и базары.

Во всей огромной киргизской степи водворилось полное спокойствие. Безоружные киргизы передвигались отдельными кибитками без всяких опасений быть ограбленными.

Особо заботливо стремился Константин Петрович решить вопрос земельный. В проекте отчета ген[ерала] Кауфмана с 1867 по 1881 гг. земли различались:

а) Земли государственные, обложенные поземельными казенными налогами разного рода. Это так называемые *амляковые земли*, составлявшие главный вид землепользования.

б) Земли частной собственности, *мильковые*. Они находились в пользовании населения, но все налоги с них податное население платило не ханам или эмирам, а владельцам милька.

в) Земли заповедные, «*вакуф*», были свободны от казенного обложения или полностью, или частью, смотря по условиям, в актах обозначенных. Вакуфные имения завещались с религиозными целями. Генерал Кауфман писал:

«В основу преобразования полагалось утверждение фактического пользования землею, установившегося в крае на землях амляковых (обложенных казенными сборами) на праве постоянного пользования. На этом широком начале, помимо землевладения амлякового, представлялось закономерным с точки зрения туземного права утверждение за поселянами, непосредственно обрабатывающими почву, и всех тех участков из числа земель вакуфных и мильковых, на кои нет у привилегированных земледельцев актов, согласно с шариатскими постановлениями утвержденных подлежащею правительственной властью».

Проверка производилась строгая, и масса земель, особенно в Ферганской области, были закреплены за теми, кто ее фактически обрабатывал.

Вместе с сим Кауфман принял меры, чтобы не могли явиться новые привилегированные владельцы землею.

Таким образом, обратно тому, что сделал на Кавказе граф Воронцов ², генерал Кауфман принял меры к демократизации земли, ограничивая где только

представлялось возможным поземельные претензии местного аристократического класса и духовенства. Работавшее на этих землях земледельческое население было, так сказать, раскрепощено.

Быстрое возрастание спроса на хлопок и сухие фрукты вызвало прилив денег в Туркестан, которые первое время значительно частью попали в руки производительного класса населения. Вместе со спокойствием у туземного населения явился невиданный им достаток.

Таким образом, в своей устроительной деятельности Константин Петрович Кауфман принял основания, которые прежде всего должны были примирить туземное население с потерей им самостоятельности.

Вместо постоянного состояния войны и внутренних раздоров русская власть давала населению мир.

Вместо постоянной опасности быть ограбленным при передвижениях — безопасное движение даже одиночных путников по всем дорогам.

Вместо постоянного страха, что не только продукты труда, но самое имущество будут произвольно отобраны ханом, эмиром или беками, русской власти ставилось задачей добиваться спокойного пользования каждым своим имуществом и результатами своего труда. [189]

Вместо налогов и поборов, составлявших, например, для землевладельцев уплату натурою до половины всех продуктов земледельческого труда, В. П. Кауфман положил необходимым добиваться, чтобы все сборы не превосходили стоимости десяти процентов общего количества собранных продуктов.

В вопросе земельном Константин Петрович проводил демократические начала. При нашем приходе в край туземное население частью сидело на землях крупных собственников и на землях вакуфных, принадлежащих мусульманскому духовенству. Сидевшие на землях крупных собственников или на землях, переданных эмирами и ханами в пожизненное пользование разным сановникам, должны были при ханах уплачивать не установленный мусульманским обычаем десятичный сбор, а несравненно большую часть урожая, иногда даже свыше половины. К. П. Кауфман добивался, чтобы эти лица платили столько же, сколько платили собственники земли, т. е. десятую часть урожая.

Аграрная реформа, при которой землю владел бы только тот, кто ее обрабатывает, по трудности проведения в жизнь должна была потребовать много времени и труда и была проведена К. П. Кауфманом в жизнь частично.

Нравы и обычаи туземного населения не должны были нарушаться. Особая осторожность требовалась в вопросе религиозном. Свобода мусульманского верования была сохранена, но К. П. Кауфман признавал необходимым бороться

против деятельности мусульманского духовенства, имевшей политический характер: проповеди (на религиозной подкладке) борьбы против неверных. В этих видах Кауфман считал недопустимым централизацию представителей духовенства в областях и особенно в целом крае в какие-либо духовные учреждения, советы. Одним из средств ослабить вредное влияние мусульманского духовенства признавалось ограничение доходов мусульманства, ограничение в том числе прав на землю и изъятие, где то представлялось возможным, вакуфных земель из-под духовенства для передачи их в руки земледельческого населения.

Туземная школа носила совершенно конфессиональный (духовный) характер. Поощрять ее не было оснований. К. П. Кауфман признавал необходимым игнорировать эту школу, а где представлялось возможным, при уменьшении доходов духовенства, способствовать закрытию самим населением тех или других мектабов (низшая школа) и в особенности медресе (высшая школа).

В то же время Кауфман признавал необходимым помогать туземному населению всеми способами к лучшему использованию естественных богатств края.

Рост благосостояния туземцев, по мнению Константина Петровича, скорее всего мог примирить их с русским владычеством в Средней Азии.

Для проведения указанной выше программы в жизнь требовался подбор надежных сотрудников К. П. Кауфману во всех областях, всех отделах устроительной деятельности. Но Россия 50 лет тому назад была еще менее чем ныне богата силами, способными самоотвержено, честно, умело и систематично приложить свой труд на устройство завоеванного края. Поэтому не все назначения оказались удачными, и Константину Петровичу во многих избранных им лицах пришлось разочароваться.

В Семиреченской области в Колпаковском³ и в Зеравшанском округе в Абрамове⁴ Константин Петрович нашел лиц, вполне соответствующих той работе, которая была на них возложена. Но в Сыр-Дарьинской области, так сказать на глазах у Кауфмана, его первые ближайшие помощники не оправдали его доверия. Генерал Головачев⁵ в роли военного губернатора оказался слаб, ленив и мало [190] подготовлен по своему кругозору к широкой административной деятельности. Отличный полковой командир, отличный боевой начальник, он оказался лишь посредственным военным губернатором, просмотревшим, что на его глазах в Кураминском уезде происходили большие злоупотребления.

Первый управляющий канцелярией генерал-губернатора генерал Гомзин⁶, надутый, с огромным самомнением, был грозой мелких чиновников, точным канцеляристом, но по своему развитию и кругозору не мог быть помощником К. П. Кауфмана. Он скоро был оттеснен по ведению организационного характера дел своим помощником камер-юнкером Савенковым⁷. Этот молодой чиновник,

честолюбивый и корыстолюбивый, умный, быстро схватывающий, заслужил особое доверие Константина Петровича. Всегда корректный, вежливый, спокойный, авторитетный, очень представительной наружности Савенков действительно мог представиться человеком вполне идейным. Оказался мошенником.

Начальник города Ташкента Мединский ⁸, несмотря на не вполне благоприятную для него репутацию по вопросу о поборах с населения, вел свои дела так, что формулировать против него определенное обвинение не представлялось возможным. Между тем туземное население города было спокойно, богатело и не жаловалось. Его помощник Пукалов ⁹ или, как мы все его звали, «Маничка», был взят из саперных войск и был честнейший человек, очень доброжелательный к русскому и туземному населению, добряк, гостеприимный, но мало способен и мало самостоятелен. Кураминским уездным начальником был назначен полковник Колзаков ¹⁰. Старый кавказский офицер, произведенный из юнкеров, мало образованный и лишенный нравственного ценза, это была очень подозрительная личность. Но Колзаков проявлял редкую распорядительность, энергию, находчивость и способностей был больших. Обладал исключительным дарованием показывать товар лицом, «втирать очки в глаза начальству». В его руках все представители туземного населения Кураминского (Ташкентского) уезда были шелковые. Он распоряжался ими деспотично к куда бы К. П. Кауфман ни поехал, в Кураминском уезде он встречал «аманлык и тыншылык» (мир и тишину). Туземцы низко кланялись Кауфману, называли акпадишах (половина царя), уверяли в своем благополучии, в справедливости поставленных над ними начальников, в любви к нему. Все это подстраивалось заблаговременно и правда заслонялась от Кауфмана.

Но были около Кауфмана истинно благородные идейные люди, которые помогли ему прорвать завесу лжи и показали эту правду. В числе их был полковник Раевский ¹¹.

Колзаков, чтобы доказать Кауфману как быстро под его управлением проникает цивилизация в мусульманскую среду, доложил ему, что некоторые знатные туземки Туркестана снимают уже свои покрывала и ходят с открытым лицом. На выраженное Кауфманом сомнение Колзаков вызвался пригласить некоторых из них от имени Кауфмана на бал, который давал Кауфман в своем генерал-губернаторском дворце.

Действительно среди многочисленного общества, собранного гостеприимным хозяином, появилась группа молодых туземных женщин, скромных, одетых в свои национальные костюмы, с открытыми лицами. В числе приглашенных находились и почетные представители туземного населения, в богатых костюмах, важные, серьезные, седобородые. Кауфман был очень доволен таким видимым успехом своего управления краем и в память первого присутствия в его доме туземок, решившихся открыть свои лица, одарил их серебряными, так

называемыми «подарочными вещами», главным образом кубками с надписью «от Туркестанского генерал-губернатора». [191]

На другой день к Константину Петровичу явился Раевский и доложил, что приведенные к Кауфману на бал туземки — женщины с открытыми лицами — были не знатные сартянки¹², а обитательницы публичных домов, нанятые Колзаковым. Для доказательства же своего обвинения Раевский предъявил Кауфману все подаренные им предметы, выкупленные Раевским. Тогда же выяснилось, что Колзаков совершенно не считается с правилами о расходовании казенных сумм, мешает казенные со своими личными и тратит много денег, поступающих от населения, на свою личную представительность.

Другой удар, еще более неожиданный, ожидал Кауфмана по отношению к деятельности Савенкова.

К. П. Кауфману, придававшему большое значение развитию коннозаводства в Туркестанском крае, было доложено, что для осуществления этого начинания недалеко от Ташкента имеются обширные пустующие земли, что их легко можно оросить и, передав на льготных условиях частным лицам, их инициативой создать в крае коннозаводство. Появился и проект устава общества, паи и прочее. Кауфман очень сочувственно отнесся к этому делу и в виду подписи на разных представлениях генерала Головачева дал разрешение на отчуждение указанных ему площадей. Дело затевалось грандиозное. Не помню теперь откуда, быть может через того же Раевского, до Кауфмана дошло известие, что его нагло обманывают, что разрешенные им к отчуждению земли в значительной степени принадлежат к культурным землям, на которых уже сидит многочисленное население, которое сгоняется с своих земель и тщетно ищет защиты против творимого насилия.

К. П. Кауфман назначил дознание, которое и выяснило полную правдивость поступившего к нему донесения. Тогда Кауфман проявил твердость и потребовал кары виновным без всякого снисхождения. Головачев был устранен за бездействием власти, Колзаков отрешен от начальствования в уезде, а Савенков, главный виновный, сослан с лишением чинов в ссылку в Сибирь. В других уездах Сыр-Дарьинской области не слышно было о злоупотреблениях и некоторые из чинов военно-народного управления заслужили добрую репутацию как со стороны русского, так и туземного населения.

В Семиреченской области генерал Колпаковский заявил себя выдающимся администратором и пользовался широкою популярностью.

В Зеравшанском округе генерал Абрамов подобрал себе несколько выдающихся по преданности делу, умелому обращению с туземцами и честности помощников, не стеснялся брать на ответственные посты молодых офицеров, и вновь присоединенные местности упокоились и производительным трудом быстро изгладили следы недавней кровавой борьбы.

К. П. Кауфман приложил особое внимание к развитию в крае хлопководства, посылал специалистов в Америку за приисканием лучших для края семян и достиг в этом отношении выдающихся результатов.

Приложены были и заботы по лучшему использованию благоприятных условий края для развития садоводства и шелководства.

Особую незабываемую услугу по садоводству принес краю полковник генерального штаба Корольков ¹³. По шелководству созданы станции для добывания здоровой грены и увеличены посадки тутовых деревьев.

Установлением лучшего надзора за расходом вод, орошавших уже культурные площади, и улучшением самой ирригационной системы получилась возможность значительного расширения площадей посевов и садов. Действительно, водворившееся в крае спокойствие и установление более высоких цен на земледельческий [192] труд и продукты этого труда отразились чрезвычайно быстрым подъемом земледельческой деятельности населения. В особенности разрасталась культурная площадь, окружавшая Ташкент.

Кауфман первый обратил внимание на возможность оросить огромную площадь Голодной степи. Предварительные изыскания были поручены технологу Ульянову, о котором я писал выше. Бедность средств для всяких исследований в крае была так велика, что Ульянов в нашей мастерской устраивал самодельный нивелир, с которым и произвел работу. Результатом было определение возможности, взяв воду из Сыр-Дарьи, несколько ниже г. Ходжента [*Ныне Худжант.*] оросить степь каналами, которые захватывали пустыню почти до середины степи у Мурзы-Рабата. Работы по проведению канала начаты при Константине Петровиче. Позднейшие работы подтвердили правильность изысканий Ульянова. Пустыня начала оживать.

Когда в последний раз в 1916 г. я объезжал Голодную степь из Ходжента на автомобиле, то был удивлен уже достигнутыми результатами. Страшная пустыня, похоронившая много жертв, начала обращаться в плодоносную местность, обещавшую в будущем стать источником огромного богатства в хлопке, садоводстве, огородничестве, культуре лекарственных растений.

В Голодной степи уже осело довольно значительное русское население. Некоторые новоселы получали в первые же года работы с отведенных им участков за хлопок по несколько тысяч рублей в год, но борьба еще не окончена. Вслед за первыми огромными урожаями следовали неурожаи вследствие выступа соли. Участки бросались. Целые селения перемещались с места на место и ныне идет борьба по изысканию средств к выщелачиванию поднявшейся из внутренних слоев земли наружу соли. Но главное уже сделано: вода проведена и количество ее новыми работами будет увеличено в несколько раз. Неизгладимое впечатление на нас, старых туркестанцев, проходивших Голодную степь несколько раз военным походом, производит вид главных

каналов, глубоких, радующих глаз ровною линиею поверхности, прорезывающей степь на многие десятки верст.

Остановившись в 1916 г. недалеко от места работы у одного из делителей, я видел, как сторож у делителя ловил довольно крупную в канале рыбу.

Вывоз из Туркестана важного для русского населения хлопка ежегодно быстро возрастал. Вывоз сухих фруктов стал принимать обширные размеры.

Спокойствие в степи влияло на быстрое увеличение стад кочевников и отразилось оживлением обмена произведений скотоводства на продукты земледелия и на вывоз в Европейскую Россию скота, шерсти, кошом [Так в тексте.], веревок и прочее. Огромную услугу краю принесли самостоятельные работы по орошению Голодной степи великого князя Николая Константиновича ¹⁴. Первые русские поселки явились на канале, выстроенном под его личным наблюдением и на его средства.

Культурный рост края затрудняло отсутствие благоустроенных путей сообщения. Одной из первых забот К. П. Кауфмана было устройство по всему краю правильного почтового сообщения. Такой тракт явился от Оренбурга до Ташкента в одну сторону и через г. Верный [Ныне Алматы.] до Сергиополя [Ныне Аягуз.] в другую.

Русским предпринимателям по разным видам деятельности оказывалась широкая поддержка. В особенности успешна их деятельность оказалась по виноделию. Явились обширные предприятия: Первушина, Иванова, Филатова. Туркестан получил дешевое вино; [193] явились и водочные и пивные заводы и другие заводские предприятия. В Ходженте и уезде начали разрабатывать каменный уголь. По частной инициативе был выстроен через Сыр-Дарью первый деревянный мост.

В Ташкенте и других городах основаны гимназии и реальные училища. Положено основание при приготовлению народных учителей для русско-туземных школ в учительской семинарии. Построен телеграф, соединивший Туркестан с Европейской Россией.

Одновременно с кипучей деятельностью по устройству края велись многочисленные научные экспедиции, производились съемки.

Посылались посольства. Известные ученые: Северцев ¹⁵, Семенов ¹⁶, Федченко ¹⁷, Мушкетов ¹⁸ встречали самую широкую помощь.

В кратком перечне трудно перечислить все начинания Константина Петровича в первые годы управления им Туркестанским краем, но несомненно, что именно в первые годы им положено прочное начало для всей его 14-летней плодотворной деятельности в Туркестанском крае.

Работая плодотворно по гражданской части, Константин Петрович положил основание и прочному устройству в Туркестанском крае и военной части. При нем последовало значительное увеличение войск Туркестанского края, придание им стройной организации, введение систематического обучения, обеспечения их хорошими казарменными помещениями, обеспечение всеми видами довольствия и весьма значительно улучшено их санитарное состояние. Константин Петрович относился к войскам чрезвычайно заботливо, сердечно и умело; сохраняя и укрепляя уже приобретенные войсками в первых походах традиции, он в то же время учил беречь силы солдата и офицера, беречь их здоровье. Он воспитывал во всех сознание необходимости беречь каждого солдата, иметь каждого солдата на учете. При отсутствии железной дороги укомплектование войск Туркестана было крайне затруднительно. Приходилось от Самары идти грунтовыми путями почти 2 1/2 тысячи верст. Это уже создавало настоятельную необходимость поддерживать наличный состав войск без больших потерь больными и умершими от болезней. То, что Константин Петрович застал по приезде в 1867 г. в край, не могло не ужаснуть его. Почти треть состава войск лежала в лазаретах, а в отдельных батальонах, как, например, во втором линейном, 3/4 состава были больны. На эту сторону жизни войск он прежде всего и обратил внимание. Особо вредные в санитарном отношении стоянки были покинуты. Произведены исследования болезненности войск во всех пунктах, начиная с Ташкента. Одной из основных причин заболеваемости оказывалась заболоченность местности, порождавшая лихорадки. Там, где ирригационная система улучшалась, уменьшалась и заболеваемость. Земляные работы, особенно снятие первого слоя земли, вызывало частые взрывы заболеваемости. Точно также работа нижними чинами в воде, приготовление кирпичей, для чего требовалось месить глину, увеличивало заболеваемость. Заболеваемость происходила в особенности от употребления сырой воды и употребления в большом количестве сырых фруктов.

Введением в рацион солдата чайного довольствия и строгим требованием, чтобы был квас и в войсках употреблялась только кипяченая вода, заболеваемость уменьшилась. В войсках заведена была подстилочная кошма, которая и на месте, и особенно в походе сохраняла силы и здоровье людей. Всеми этими мерами число заболеваемых быстро уменьшилось, особенно когда явились сухие, светлые, хорошо проветриваемые, хотя и не роскошные казармы. Вместе с мерами к уменьшению числа заболевших принимались меры к улучшению их лечения. В Ташкенте и других пунктах выстроены хорошие лазаретные здания, а при войсках и в их казенном расположении — **[194]** околотки или приемные покои для осмотра нижних чинов и помещения на несколько дней легко заболевших. К. П. Кауфман лично следил за движением заболеваемости среди войск и бил тревогу, если заболеваемость неожиданно в той или другой части войск увеличивалась.

Пища войск с развитием огородничества стала разнообразнее. Явилась в достаточном количестве капуста, бураки и картофель. Где бы Кауфман ни был, он пробовал пищу войск и награждал кашеваров, если пища была особо хорошо

приготовлена. Командиров частей, войск, у которых санитарное состояние было хорошее, он поощрял.

Различные пункты края были укреплены и усилены артиллерией. Доверяя туземному населению, Кауфман принимал меры, чтобы в случае возможных еще военных действий, с выводом войск в поход остающиеся слабые гарнизоны в населенных пунктах могли поддерживать в них спокойствие. Установлены правильные лагерные сборы. Устроены лагерные бараки. Войска получили возможность учиться как отдельно по родам оружия, так и совместно с другими родами оружия. Отведены достаточные стрельбища и площади для занятия войск. На реке Сыр-Дарье явилась небольшая морская сила, но установить правильное по этой реке судоходство пароходами не удалось.

При Константине Петровиче значительно увеличилось русское невоенное население во всех оседлых пунктах и было дано развитие образованию русскоземледельческих поселений в Сыр-Дарьинской области и особенно в Семиреченской.

Ташкент быстро застраивался и начал украшаться довольно солидными зданиями, как частными, так и правительственными. При быстром росте посаженных вдоль новых улиц деревьев уже через несколько лет весь русский город представлялся издали обширным цветущим оазисом.

Эти первые годы устройства края жизнь в нем была ключом. Оживление царило всюду, не только в русском, но и в туземном городе.

Как гостеприимный хозяин, Константин Петрович довольно часто собирал в своем доме многочисленное общество, а устраиваемые им несколько раз в год балы памяты для всех туркестанцев оживлением, радушием хозяина, прекрасною музыкою, обильным угощением. Веселились от души, а собиралось на такой бал до 200 и даже 300 человек. Старшие помощники следовали примеру Кауфмана и широкое гостеприимство в семейных домах того времени практиковалось очень многими.

Уличная жизнь тоже весьма оживилась. Когда спадала жара, по Кауфмановской улице, составлявшей главную артерию, двигалась самая разнообразная публика: офицеры, чиновники, дамы, дети, туземцы. В нескольких местах появились киоски с продажей различных вод, мороженого, фруктов. Торговцы туземцы около тротуаров стояли с лотками фруктов, сластей и зазывали прохожих. Несколько ресторанов были к услугам публики. Появились к услугам любителей биллиарды. Строилось здание театра. Образовалась любительская труппа, а затем начали являться заезжие артисты по одиночке и труппами. Появился первый заезжий цирк, имевший огромный успех у туземцев.

Умственные запросы удовлетворялись местною газетою «Туркестанские Ведомости»¹⁹. Было заложено основание обширной библиотеки, музея, обсерватории. Но почта приходила с огромным опозданием, и например, газеты

из Петербурга получались на третью, а иногда и на четвертую неделю по их выходе в свет. Представительство начальника края было большое и для вновь создаваемого порядка необходимое. Как я уже сказал выше, туземцы называли Кауфмана ярим-падишахом, что значит половина царя, и действительно власть генерала-губернатора того времени была огромная. Ему [195] предоставлено было объявлять войну соседям, заключать мир и ему предоставлено было дать организацию вновь завоеванным местностям впредь до утверждения положения об управлении Туркестанским краем на началах, кои были утверждены Кауфманом во временных положениях и штатах.

Весьма значительные суммы, поступавшие с населения Зеравшанского округа, находились несколько лет в полном распоряжении Константина Петровича. Обезд края Константином Петровичем Кауфманом, там, где ему приходилось иметь дело с туземным населением, был обставлен известною торжественностью и пышностью. Приемы посольств из Бухары тоже были обставлены с сохранением местных обычаев, но так, чтобы послы в лице Константина Петровича могли видеть могущественного повелителя Туркестана, облеченного полным доверием государя. В город Ташкент Константин Петрович выезжал большею частью в сопровождении значительной свиты, конвойной сотни и особого значка, который за ним возили.

РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1742. Л. 92 — 106. Подлинник. Машинопись с авторской правкой.

Комментарии

1. Кауфман К. П. (1818 — 1882) — генерал-адъютант, инженер-генерал, генерал-губернатор Туркестана и командующий войсками Туркестанского военного округа (1867 — 1882).
2. Воронцов-Дашков И. И. (1837 — 1916) — граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, участник завоевания Средней Азии, наместник е. и. в. на Кавказе (1905 — 1915).
3. Колпаковский Г. А. (1819 — 1896) — генерал от инфантерии, участник завоевания Средней Азии, военный губернатор Семипалатинской (1865 — 1867) и Семиреченской (1867 — 1882) областей, Степной генерал-губернатор (1882 — 1889).
4. Абрамов А. К. (1836 — 1886) — генерал-лейтенант, участник завоевания Средней Азии, начальник Зеравшанского округа, военный губернатор Ферганской области.
5. Головачев Н. Н. (1823 — ?) — генерал-лейтенант, участник Крымской войны 1853 — 1856 гг., завоевания Кавказа и Средней Азии. В 1867 — 1877 гг. — военный губернатор Туркестанской (Сыр-Дарьинской) области. 12 июня 1877 г.

уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. 28 декабря 1882 г. зачислен в запас армии. Сведений о дальнейшей судьбе Н. Н. Головачева не обнаружено.

6. Гомзин — генерал-майор, управляющий канцелярией генерал-губернатора Туркестана.

7. Савенков — камер-юнкер, помощник управляющего канцелярией генерал-губернатора Туркестана.

8. Мединский В. Ю. (1837 — ?) — генерал-майор, Аулиеатинский уездный начальник (1867 — 1869), начальник г. Ташкента (1869 — 1877), начальник Маргеланского уезда (1878 — 1879), помощник военного губернатора Ферганской области (1881 — 1896).

9. Пукалов — полковник, помощник начальника г. Ташкента.

10. Колзаков Н. А. (1834 — ?) — генерал-майор, командир 3-го Туркестанского линейного батальона и начальник Кураминского (Ташкентского) уезда (1876 — 1878).

11. Раевский М. Н. (1841 — ?) — генерал-майор, участник завоевания Средней Азии, член совета министра государственных имуществ.

12. Сарты — оседлая с древнейших времен часть узбеков.

13. Корольков Н. И. (1837 — 1906) — генерал от инфантерии, участник Крымской войны 1853 — 1856 гг. и завоевания Средней Азии, военный губернатор Ферганской (1887 — 1905) и Сыр-Дарьинской (1893 — 1905) областей.

14. Николай Константинович (Романов) (1850 — 1918) — великий князь.

15. Северцев (Северцов) Н. Н. (1827 — 1885) — зоолог, зоогеограф и путешественник.

16. Семенов П. П. (Семенов-Тян-Шанский) (1827 — 1914) — географ, статистик, ботаник и энтомолог.

17. Федченко А. П. (1844 — 1873) — натуралист, исследователь Средней Азии.

18. Мушкетов И. В. (1850 — 1902) — геолог и географ.

19. «Туркестанские ведомости» — еженедельная общественно-политическая и литературная газета. Выходила в Ташкенте в 1870 — 1918 гг.

Текст воспроизведен по изданию: Из воспоминаний генерала А. Н. Куропаткина. 1867-1882 гг. // Исторический архив, № 1. 1994

- © текст - Карпеев И. В. 1994
- © сетевая версия - Thietmar. 2009
- © OCR - Корнев А. 2009
- © дизайн - Войтехович А. 2001
- © Исторический архив. 1994